

Свидание

Сэтоши Мотидзуки

За несколько дней, которые были после появления на свет малыша, произошло достаточно много событий. Отец, с которым начали налаживаться отношения, съездил на следующий день после аварии в квартиру сына и привез в больницу Хосе. Персонал был недоволен появлением "питомца", но Сэтоши заверил, что на это растение аллергии не бывает, и оно никому не мешает.

Потом косяком потянулись к нему родственники. Хорошо, что не все сразу, а по отдельности. Хотя может было лучше, чтобы всп сразу. Сначала приехала мама, потом бабушка, вместе с ней приехал дядя. Тетя Фуэми и ее сын не приехали, да и он очень бы удивился, если бы они приехали его навестить. С братом отношения не складывались никогда, так что он все равно не был обделен вниманием.

Чего нельзя было сказать о Маргарите, которая лежала двумя этажами выше и страдала от одиночества. Ребенка увезли в другую больницу, поместили в бокс, и пока было мало что известно. Растет и набирает вес. Сухие медицинские факты. Из Испании прилететь не так-то просто.

Хотя мама вроде могла зайти. И бабушка. А могли и не зайти. Заходил и начальник, хотя, как он сказал, Рита в момент его посещения спала. Пожелав удачи и оставив апельсины, Моррис Фернандес уехал. А Сэтоши, получив разрешение выйти из палаты, направился к Рите. Но на сестринском посту его "завернули", сообщив, что через полчаса будет обед. Пришлось искать пути отступления и сбежать.

Рита была одна в палате, и он, постучав в дверь, вошел внутрь. Прикрылся Хосе и направился к кровати любимой девушки, которая подарила ему ребёнка...

Маргарита Эрнандес

Маргарита привыкла к трудностям и препятствиям, которые ей приходилось преодолевать, чтобы добиться желаемого. И это не казалось ей чем-то страшным или неправильным, ровно до того момента, как ее простую и понятную жизнь не перевернула авария, заставившая ее почувствовать себя абсолютно никчемным существом, неспособным защитить жизнь собственного ребенка...

После того, как она открыла глаза и осознала все произошедшее, ей приходилось держаться, не давая эмоциям взять верх и принимая непростые для женщины в ее положении решения. Она согласилась на экстренное кесарево, делала все, чтобы приблизить момент операции и поскорее разобраться со всеми вопросами, не дающими ей стать нормальной матерью своему ребенку, который показался ей настолько крохотным и слабым, когда появился на свет, что было непонятно, как вообще подобное существо может поддерживать в себе жизнь.

Маргарита прекрасно понимала, что не имеет права предаваться отчаянию, поскольку это не могло решить имеющиеся проблемы и помочь малышу справиться с последствиями преждевременного рождения или поднять на ноги ее саму.

Понимала и когда сына отправили в другую больницу, и когда ее повезли на операцию, и когда перевели в обычную палату и сказали выздоравливать и ждать новостей... Но новостей было отвратительно мало, а моральные силы постепенно закончились, так что постепенно Маргарита перестала понимать, чувствуя себя совершенно опустошенной из-за собственной слабости и неспособности даже использовать свои знания и умения, чтобы помочь себе поскорее покинуть больничную койку.

Она знала, что к Сэтоши, к счастью, не получившего особенно серьезных травм, постоянно ходят родственники, но сама не хотела никого видеть. Точнее, хотела видеть только одного человека - своего ребенка, но пока не могла подняться с постели, то мучаясь от бессильной злобы, то падая в приступ апатии, который как раз и накрыл ее в тот момент, когда в палате появился гость. Два гостя, если считать Хосе, которого она узнала сразу, за отдельную персону. И если раньше подобное проявление внимания вызвало бы у нее улыбку, то сейчас Маргарита только скользнула по цветку и мужу пустым взглядом, а затем перевела его на потолок, словно в его раздражающей белизне крылись ответы, как ей изменить то, что уже никаким образом от нее не зависело.

Сэтоши Мотидзуки

Маргарита выглядела ужасно, и это заставило его вздрогнуть, но он взял себя в руки и бодрым шагом подошёл к ней. Присел рядом с ней на стул, поставил Хосе на тумбочку и положил руку на ладонь супруги. Она смотрела на потолок безразличным взглядом, и ему от этого было страшно. В глазах не было тех искорок и живости. В них не было ничего, и это было очень неприятно. Она вроде бы была жива, но при этом просто существовала.

- Рита, любимая, - сказал он, а потом задумался, что говорить. Спросить "как ты" глупо, ведь она наверняка себя чувствует ужасно, и такая постановка вопроса может нарушить хрупкий мир и ввести её в глубокую депрессию. - Как ты себя чувствуешь? - Спросил он всё-таки. - Прости меня, я подверг опасности тебя и нашего ребёнка, но мне сказали, что Рэн себя чувствует очень хорошо.

Он даже не заметил, что назвал имя сына, хотя они с Ритой ещё не обсуждали это, но для себя он ещё несколько дней назад, разговаривая с отцом, решил, что их с Маргаритой Эрнандес сына будут звать Рэн. Об этом пока никто не знал, кроме его отца, и он думал, что все остальные узнают имя ребёнка только после того, как своё решение вынесет ещё и Рита. Он был готов ее выслушать и принять её мнение, если это имя ей свершенно не понравится.

Маргарита Эрнандес

Когда ее ладони коснулась теплая рука Сэтоши, Маргарита вздрогнула, но так и не отвела взгляда от потолка. Она не знала о чем говорить и стоит ли вообще это делать. Нет, она не злилась на мужа за аварию, приведшую к таким печальным последствиям, просто сейчас все, что не касалось ее ребенка или возможности как можно быстрее встать на ноги, казалось ей чем-то второстепенным, не заслуживающим того, чтобы тратить на это время.

- У меня все нормально, - тусклым голосом ответила Маргарита - Настолько,

насколько это возможно.

И действительно, с учетом обстоятельств физически она чувствовала себя очень даже неплохо. Но этого ей было недостаточно, поскольку восстановление занимало слишком много времени, которого она просто не могла себе позволить.

- Рэн? - прозвучавшее имя заставило ее повернуть голову и посмотреть на Сэтоши. Похоже, тот решил назвать их ребенка в честь своего деда, и, несколько раз произнеся это имя про себя, Маргарита пришла к выводу, что это неплохой вариант. - Пусть будет так, - прошептала она, снова возвращая взгляд к потолку. Она не имела ничего против, чтобы подарить сыну имя сильного и яркого человека, которым, как ей казался, являлся Мотидзуки Рэн. Сейчас ее малышу нужна была внутренняя сила, поскольку его собственная мать не могла защитить его от всевозможных угроз, поджидающих столь крохотное и слабое существо, коим он являлся.

Сэтоши Мотидзуки

Девушка не реагировала на него, точнее, она всего лишь вздрогнула, когда он сжал ее руку, но не посмотрела на него. Только повернула голову, когда он сказал, как хочет назвать сына. В ее глазах была пустота, и он вздрогнул. Эта холодная и пугающая пустота в ее красивых серых глазах с зеленчми нотками заставляла его сердце сжиматься от боли. Сильной боли, почти физической. Он очень сильно ее любил, он действительно боялся ее потерять. И пусть она сейчас была жива и ее состояние оценивалось как удовлетворительное, она могла умереть. Она будет жить, но в душе уже не будет ничего хорошего и позитивного. Вообще ничего не будет.

Сэтоши не знал, что делать с девушкой, о чем с ней говорить, как поддерживать ее. Наверное, если бы ей разрешили подержать на руках сына или принесли его, то было бы лучше. Она бы расцвела. Она бы улыбнулась.

- Наш сын... с ним все очень хорошо. Я действительно сожалею из-за всего произошедшего. Я не могу представить, что ты чувствуешь. Тебе... очень больно? Ты же его толком не видела... Что я могу сделать, чтобы тебе стало хоть чуточку легче?

Он был уверен, что Маргарита хочет посмотреть на сына, взять его на руки. Он задумался, как он может в этом помочь. По последней информации, их малыш лежал в другой больнице в реанимации. Его вес был достаточный для того, чтобы он мог нормально функционировать, легкие раскрылись, и он дышал сам. Только ему было, наверное, тоскливо и одиноко одному. И он, Сэтоши, должен что-то сделать, чтобы Рита смогла его хотя бы увидеть. Только вот что.

Он посмотрел на нее и положил ладонь на ее щеку. Слабо улыбнулся.

Маргарита Эрнандес

Сэтоши пытался как-то ее подбодрить, но сейчас Маргарита не видела в этом особого смысла. Умом она все прекрасно понимала, зная, что изменить ничего нельзя и нужно просто смириться и ждать. Ждать пока сына можно будет принести

ей или ее саму как-то транспортировать поближе к нему, ждать пока к ней вернутся силы и способность ускорить процесс восстановления, после кесарева и установки металлоконструкции, призванной фиксировать сломанные кости, ждать... Маргарита просто ненавидела это слово, особенно сейчас, когда дело касалось не только ее жизни, но и жизни крохотного беспомощного существа.

- Можешь меня не успокаивать, мне рассказывают все то же самое, что и тебе, - Маргарита снова повернула голову в сторону Сэтоши. - И я понимаю, что его состояние могло быть намного хуже, но от этого не легче. Он где-то далеко, а я здесь, прикована к этой койке и, несмотря на всю свою магию, ничего не могу поделать. Я знаю, что ты искренне хочешь мне помочь, но если ты не умеешь пришивать новые работающие ноги, то все остальное не имеет значения.

Маргарита чувствовала, что перегибает палку и говорит болезненные для мужа вещи, но она просто не могла сейчас проявлять заботу и о его чувствах. В конце концов, он уже давно вышел из детского возраста и должен был понимать, чем продиктованы ее жесткие слова. Она ведь тоже была живым человеком и хотя бы иногда имела право показывать другим свои слабости, если все ее моральные силы закончились, и пока Рита совершенно не представляла каким образом пополнять их истощившийся запас.

Сэтоши Мотидзуки

Он двумя руками взял её прохладную ладонь и поцеловал. Каждый пальчик, каждый миллиметр, понимая, что это ничего не изменит. Она страдала, и это было видно по её словам и виду. И он один был виноват в этом её состоянии. И он один должен решить что-то. Вот только голова болела, была небольшая слабость, но его через день или два должны выписать. Он вернётся домой, в квартиру, которую снимают вместе, а она... Рита останется здесь, прикованная к кровати. Одинокая и беспомощная. Первой мыслью было пойти к главному врачу и договориться с ним, чтобы Маргариту выписали из больницы, вернуть её домой и... И всё. Он никогда не ухаживал за больным человеком. Только в детстве, когда мама заболела и заснула на диванчике в гостиной. Но у Мизуки были все конечности, она не была беременной и не теряла своего ребёнка. И её муж никогда не нарушал правила дорожного движения. И не пытался покончить с жизнью.

Это всё было достаточно серьёзно, и нужно было что-то придумать. Он не сможет вернуть девушку домой, чтобы о ней заботиться, но он может попросить бабушку посодержать. Вдруг она сможет что-то сделать, как-то помочь. Сэтоши был уверен, что если Рита увидит своего ребёнка, если возьмёт его на руки, то её настроение и самочувствие станут лучше. И тогда он, как только она окрепнет, а заодно и ребёнок тоже, возьмёт их и увезёт в монастырь. Там есть врачи, они помогут ей. И она снова будет летать и бегать.

Но пока она лежала здесь. И пока всё было очень плохо. Он не стал комментировать её речь, понимая, что ей нужно просто высказаться и, если это возможно, выплакаться. Он поддержит, поможет. Он выслушает, успокоит. Он будет рядом с ними. Потому что это его долг. Он отпустил её ладонь, когда ему показалось, что она немного согрелась. И протянул руку, надеясь, что Рита вложит свою изящную ладошку в его ладонь. Ну а если не вложит, то он дотянется и сам

возьмёт.

Маргарита Эрнандес

Сэтоши молчал. Он ничего не сказал в ответ на ее слова, за что Маргарита была ему очень благодарна. Она не хотела ругаться или жаловаться, только усугубляя и без того плачевную ситуацию, но и говорить разумные логичные вещи ей сейчас было очень непросто, поскольку все ее мысли были сосредоточены вокруг ее состояния и состояния ее ребенка.

Прикосновения губ Сэтоши к ладони успокаивали, и, сама того не замечая, когда он выпустил ее руку, Маргарита непроизвольно потянула ее в его сторону, чтобы снова вернуть легкий физический контакт, от которого на душе становилось чуть легче. Пожалуй, сейчас она была все-таки рада, что муж пришел ее навестить, прерывая добровальное одиночество.

- Я хочу оказаться к нему поближе. Неужели это невозможно? Может, меня тоже можно перевезти в другую больницу?

Маргарита знала, что родственники Сэтоши имели все возможности, чтобы как-то решить больничный вопрос, и если незадолго до этого обещала себе ни о чем их не просить, сейчас была готова на что угодно, лишь бы оказаться поближе к сыну. Даже переступить через свою гордость и начать пресмыкаться перед кучкой японцев с не самыми простыми характерами, которые не испытывали особого восторга от женитьбы сына на буйной рыжеволосой европейке, так отличающейся от образа идеальной японской невестки.

Сэтоши Мотидзуки

Рита хотела вернуть контакт, но другую руку ему не подала, и он осторожно перегнулся через нее, чтобы взять ее за руку. Потом присел на край кровати и обнял обе ее ладони своими руками. Они все еще были холодными. Он снова стал их целовать, и он молчал. Он не знал, что сказать, но решил что-то сделать. Наверное, было бы проще обратиться к бабушке за помощью, но он подумал сначала это сделать в одиночестве. Это серьезное испытание, и всегда полагаться на защиту и поддержку семьи глупо.

Только он хотел ей сказать, что со всем разберется, как в палату вошел лечащий врач.

- Мотидзуки-кун, вы сейчас должны быть на процедурах, - пробурчал он, а потом увидел цветок. - Что это?

- Это Хосе. Маргарите одной скучно, а Хосе ее успокаивает, - улыбнулся молодой человек, а потом с любовью посмотрел на жену.

- Никакого воспитания, - проворчал врач, хотя губы дрогнули в еле заметной улыбке.
- Оставьте нас, я должен ее осмотреть.

Молодой человек поцеловал жену в щеку, потом коснулся губ и встал с кровати. Направился к выходу.

- И Хосе своего заберите.

Сэтоши показал врачу язык, забрал цветок и подмигнул Рите. Вышел из палаты и сел на диванчик в коридоре. Поставил гардению на подлокотник и закрыл глаза. Нужно поговорить с врачом, ведь не может быть такого, чтобы Рите не разрешили видеть сына. Ведь это неправильно. Она будет счастлива хотя бы его увидеть, а потом уже станет легче. А он будет работать и по вечерам помогать ей. Они наймут сиделок, чтобы Рита, пока не поправилась, могла хоть как-то себя обеспечивать.

- Уговорите ее поесть, - из раздумья вывел его голос врача. - Можете идти к ней. Скоро принесут обед, пусть она поест. Для нее специальное питание, из ресторана.

- Сакамото-сан, скажите, можно ли Маргариту перевести в другую больницу, поближе к ребенку?

- Насколько мне известно, сейчас ваш ребенок находится в удовлетворительном состоянии. Он дышит сам, пневмония не подтвердилась. Думаю, еще неделю продержится такое состояние.

- Но пожалуйста. Неужели ничего нельзя сделать?

- Я поговорю с коллегами.

Врач ушел, а Сэтоши поднялся с диванчика и вернулся к Рите. Сел на край кровати.

- Врач поговорит по поводу перевода. Это только вопрос времени, - ласково сказал он и положил ладонь на ее щеку.

Маргарита Эрнандес

Глядя на Сэтоши, подмигивающего и втихаря показывающего врачу язык, Маргарита в очередной раз подумала, что замуж вышла за сущего мальчишку. Пусть тело его было вполне себе телом взрослого мужчины, поведение явно отличалось от возрастных стандартов, хотя, без впадения в крайности, все это было даже мило. И, при таком раскладе, у их ребенка появлялся прекрасный товарищ для игр, которого ей, вероятно, в скором времени придется ругать за шалости ничуть не меньше, чем сына.

Осмотревший ее врач был настроен более чем позитивно и, ссылаясь на крепкий организм, обещал быстрое восстановление. Хотя он даже не представлял, насколько это восстановление должно было стать быстрым, поскольку Маргарита планировала как можно скорее набраться сил и, используя все имеющиеся способности, ускорить процесс послеоперационной реабилитации.

Разговор, касающийся ее возможного перевода, который она смогла разобрать благодаря звериному слуху, Маргарита слушала со всем возможным вниманием. Она и сама пыталась найти какие-нибудь зацепки, чтобы оказаться поближе к своему малышу, но поддержка, в том числе и финансовая, других заинтересованных лиц ей бы совсем не помешала.

- Надеюсь, - ответила на заверения Сэтоши Маргарита, когда тот вернулся в палату. Она перехватила руку мужа, коснувшуюся ее щеки, и переплела свои пальцы с его. Ей безумно хотелось верить, что потерпеть осталось еще несколько дней, но пока Рита боялась тешить себя надеждами, которые при неудачном раскладе могли привести к жестокому разочарованию.

Сэтоши Мотидзуки

- Меня завтра выпишут, и я займусь всем этим. Не переживай, мы увидим своего сына. Я попробую договориться, - тепло, но достаточно серьезным тоном сказал он, показывая, что готов нести ответственность за них. За нее и маленького мальчика, которому он дал имя Рэн.

Рита с именем согласилась, но он думал, что все-таки не сильно была согласна называть ребенка именем основателя империи Мотидзуки.

Она переплела пальцы своей руки с его и посмотрела на него. Ему показалось, что уголки ее губ немного растянулись в улыбке, и он улыбнулся.

- Мне нравится, когда ты улыбаешься. И Хосе тоже нравится. И... Рэну тоже понравится, когда он увидит твою улыбку. Все будет у нас с тобой прекрасно.

Он наклонился и снова поцеловал ее в губы. В палату зашла медсестра с подносом еды и поставила его на столик. Сказала Сэтоши, что он должен вернуться в палату, и ушла. Сэтоши открыл контейнеры.

- Тебе надо поесть. И это... - он смущенно покраснел. - Мама просила меня передать тебе, что ты должна сцеживаться. У тебя уже должно быть молоко. Тебе надо наладить лактацию.

Кажется, смутился даже Хосе, но вот Сэтоши был красного цвета, как вареный рак. Надо было сказать об этом раньше, но вдруг его сейчас выгонят из ее палаты?

Маргарита Эрнандес

- Ловлю тебя на слове, - уцепилась Маргарита за предложение Сэтоши договориться о переводе. Она не привыкла перекладывать заботы на кого-то другого, но ее нынешнее положение учило смирению и заставляло довериться другим людям. И, наверное, в этом были и свои положительные моменты, поскольку давали Сэтоши возможность побыть сильным мужчиной, а ей самой - слабой женщиной, немного выравнивая имеющийся в их отношениях перегиб.

-Ну, нормально улыбаться я начну, когда мне позволят увидеть моего ребенка, и когда я снова смогу самостоятельно подняться с кровати.

Наверное, она хотела слишком многого, но не зря же Маргарита являлась магом Огня. Желания всегда вели ее вперед и, в результате, превратили в того человека, коим она являлась сейчас.

- Поем, я сама заинтересована в том, чтобы скорее набраться сил. Обещаю все

съесть и не капризничать.

Несмотря на то, что всевозможные улыбки она буквально несколько минут назад объявила радостями будущего, а не настоящего, смущение молодого человека вызвало у нее желание рассмеяться в голос. Уж больно забавным ей показалось его красное лицо при произнесении слова "счеживаться".

- Не переживай, я знаю, - не удержавшись от легкого смеха, сообщила Маргарита. - С молоком у меня пока не очень, но, надеюсь, когда мне перестанут колоть антибиотики дело наладится.

Она хотела на этом перестать развивать непростую для мужа тему, но все-таки не удержалась и добавила.

- Сэтоши, уж тебе смущаться глупо. Кто еще так же хорошо знает мое тело, как ты?

Маргарита планировала добавить еще пару комментариев, но передумала. Это только ремни на рабочем месте ее супруг лихо расстегивал, а как дело доходило до разговоров, так начинал смущаться, как школьница, которую симпатичный мальчик впервые взял за руку. Но эта милая черта ей даже нравилась, поскольку никак не сказывалась на насыщенности их интимной жизни.

Сэтоши Мотидзуки

- Все будет хорошо, - кивнул он и посмотрел на девушку. Ему нужно будет приложить все усилия и свои навыки, чтобы Рите разрешили сидеть с ребенком. И чтобы малыш Рэн чувствовал себя хорошо. И чтобы у девушки было молоко. Потому что иначе нельзя.

Рита принялась за еду, и Сэтоши узнал в блюдах руку Морриса Фернандеза. Рите приносили еду из ресторана, в этом плане роддома и больницы Японии отличались от других лечебных заведений других стран. Здесь можно по предварительному заказу или договору потреблять еду, принесенную из дома или приготовленную в ресторане. Рите сейчас нужно было питаться правильно и, как казалось молодому человеку, ей нужна привычная желудку пища. Всякие супы и кесадилья. Или еще что-то.

- Ну, это как-то неприлично, разговаривать о женских проблемах. Я... я же многого не знаю, - смущенно пробормотал он и улыбнулся. - Тебе помочь чем-нибудь? Я... люблю тебя...

Он слабо улыбнулся и посмотрел на жену.

Маргарита Эрнандес

На обещания Сэтоши светлого будущего Маргарита лишь кивнула. Она прекрасно понимала, что впереди их ждет еще немало трудностей, но надеялась, что силы, которые, как ей казалось недавно, окончательно ее оставили, вернутся. И она, наконец, сможет увидеть своего ребенка, с помощью ли Сэтоши, его родни или самого черта, в которого она, благодаря естественнонаучному мышлению, не верила.

- Да ладно, - усмехнулась Маргарита. - Все, что тебе надо знать, ты знаешь прекрасно. Не волнуйся, я всегда серьезно относилась к своим обязанностям, поэтому заранее все как следует изучила.

Естественно, никакие книги, статьи или информация с различных сайтов не могли заменить практического опыта, но, по мнению Риты, всегда было лучше иметь какую-то теоретическую базу, чем ее не иметь.

- Тебе и самому неплохо было бы поесть, - Маргарита скептически окинула взглядом худощавую фигуру Сэтоши. - А то так скоро совсем прозрачным станешь. А нашему ребенку нужны крепкие и здоровые родители.

Она понимала, что при всем желании ей не удастся раскормить мужа так, чтобы его вес стал ощутимо превышать ее собственный. Да и не собиралась этого делать, принимая его и любя таким, каким он был.

- Я справлюсь. Все будет хорошо И... Я тоже тебя люблю.

Со временем это простое признание начало даваться ей проще, чем раньше, и Маргарита старалась не скупиться на нежные слова, которые долгое время были ей совершенно не свойственны.

Сэтоши Мотидзуки

Сэтоши улыбнулся и провёл пальцами по щеке девушки, потом по подбородку, шее и наткнулся на больничную рубашку. Обиженно вздохнул, скорчил рожицу, и убрал руку.

- Тебе, кстати, идёт горошек. Я буду есть, не переживай, я питаюсь нормально, просто не привык есть много. Наш сын будет видеть здоровых и сильных родителей, я приложу к этому максимум сил.

Он посмотрел на часы, а потом снова перевёл взгляд на девушку. Поцеловал её в щёку и поднялся с кровати.

- Я тогда пойду, раз не нужен тебе, - он усмехнулся и подмигнул. - Могу попозже зайти. А потом мы больше никогда не расстанемся. Не грусти, мы со всем справимся.

Он кивнул и, послав ей воздушный поцелуй, отправился в свою палату. Завтра его выпишут из больницы, он вернётся домой и будет думать, что делать дальше. С кем разговаривать, чтобы Риту перевели к ребёнку в больницу, где искать сиделок для неё, чтобы она чувствовала себя более-менее нормально. Самому работать и приезжать к ней, чтобы по вечерам помогать ей с малышом. Просить о помощи бабушку или справиться со всем самому и обратиться к ней только в самом критичном случае?

Но это будет потом. Завтра его выпишут, и он начнёт заниматься. А сейчас он вернулся в свою палату. Нужно поесть, а потом можно поспать. Главное, что Рита

себя чувствует хорошо, и улыбается. Это хороший знак.
